

Научная статья

УДК 930.1:316.334 (470.63)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.15>

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЮЖНОЙ ПРОВИНЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД)

Виктория Максимовна Труфанова

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
Ассистент
vt_01@vk.com; <https://orcid.org/0009-0007-5909-598X>

Аннотация. Введение. В настоящей статье показана роль региональных отделов милиции в процессе формирования новой советской повседневности (г. Кисловодск, г. Железноводск, г. Пятигорск, г. Ессентуки) в начале 1920-х гг. Цель исследования – встроить процесс формирования советской правоохранительной системы в трансформацию городской повседневности. **Материалы и методы.** В исследовании использован историко-генетический метод и проведен историко-правовой анализ. Кроме того, сама исследовательская задача сформулирована и разрешена в парадигме новой локальной истории. Главным источником стали делопроизводственные документы, собранные в Государственном архиве Ставропольского края. **Анализ.** Организованная советская милиция должна была решать, как задачи охраны порядка, так и воспитания и санации советского общества. Обращение к опыту городов КМВ позволило выявить и изучить особенности повседневности как самой советской милиции, так и городов, в социокультурное пространство которых милиция была интегрирована. Большой проблемой стала демобилизация красноармейцев, многие из которых не могли найти себя и выбирали путь криминала. Сама повседневность, в том числе трудовая, милиционеров отмечена тяготами послереволюционного и послевоенного времени. Отсюда попытка поиска побочного заработка, низкий профессиональный уровень, непонимание своего функционала, халатность и даже произвол. **Результаты.** Сделаны выводы о том, что милиция и её будни были частью городской повседневности, о том, как в уголовной практике отражались новые и ста-

рые явления повседневной жизни горожан. Первоначальная деятельность правоохранительных органов в была направлена не только на поддержание правопорядка, но и на создание новых норм поведения, отражающих идеологию государства. Однако реальная практика часто отличалась от официальных установок: несмотря на провозглашённый «нейтрализм», в регионах основное внимание уделялось решению конкретных проблем, вызванных хаосом и кризисом.

Ключевые слова: народная милиция, малый город, Кавказские минеральные воды, городская повседневность, новая локальная история, преступность, социальная реальность.

Для цитирования: Труфанова В. М. Формирование советской милиции в контексте повседневности южной провинции (на материалах Кавказских Минеральных Вод) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 682–689. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.15>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-20073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод в 1920-е - 1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 28.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

THE FORMATION OF THE SOVIET MILITIA IN THE CONTEXT OF DAILY LIFE OF THE SOUTHERN PROVINCE (BASED ON THE MATERIALS OF THE CAUCASIAN MINERAL WATERS)

Victoria M. Trufanova

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017, Stavropol, Russian Federation)
Assistant
vt_01@vk.com; <https://orcid.org/0009-0007-5909-598X>

Abstract. Introduction. The article shows the role of regional police departments in the formation of a new Soviet daily routine (Kislovodsk, Zheleznovodsk, Pyatigorsk and Yessentuki) in the early 1920s. The purpose of the study is to integrate the process of formation of the Soviet law enforcement system into the transformation of urban everyday life. **Materials and Methods.** The historical and genetic method was used in the study and a historical and legal analysis was carried out. In addition, the research task itself is formulated and solved in the paradigm of new local history. The main source was office documents collected in the State Archive of the Stavropol Krai. **Analysis.** The organized Soviet militia had to solve both the tasks of maintaining order and educating and rehabilitating Soviet society. Referring to the experience of the cities of the CMS made it possible to identify and study the peculiarities of the daily life of both the Soviet militia itself and the cities into whose socio-

cultural space the militia was integrated. The demobilization of the Red Army soldiers became a big problem, many of whom could not find themselves and chose the path of crime. The daily routine, including labor of police officers, is marked by the hardships of the post-revolutionary and post-war period. Hence the attempt to find side earnings, low professional level, lack of understanding of their functionality, negligence and even arbitrariness. **Results.** The conclusions are drawn that the police and their everyday life were part of urban daily life, and how new and old phenomena of everyday life of citizens were reflected in criminal practice.

Keywords: people's militia, small town, Caucasian Mineral Waters, urban daily life, new local history, crime, social reality

For citation: Trufanova VM. The formation of the Soviet militia in the context of daily life of the Southern province (based on the materials of the Caucasian Mineral Waters). Humanities

© Труфанова В. М., 2025

and law research. 2025;12(4):682-689. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.15>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-18-20073 «Urban everyday life of the southern province. The

Введение. Стремительность прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. определила форсированный темп их дальнейшей политики преобразований. Советская власть сделала ставку на вытеснение всех признаков старого строя и формирование нового общества, в том числе через перестройку повседневной жизни и конструирование нового массового сознания. Историческая ситуация способствовала реализации подобных намерений большевиками, т.к. помимо доктринальных целей нужно было предлагать свой проект радикальных перемен для удержания власти и формирования новой системы контроля. На пути создания такой системы стояли консерватизм массового сознания в отношении традиций и повседневных практик, а также многократное усиление социальных девиаций дореволюционного периода: криминал, проституция, пьянство, наркомания. В этом случае архаизация социума позволила насилью стать распространённым средством воздействия как со стороны властей, так и со стороны широких масс [21, с.46].

Как менялось советское общество, какие социальные проекты осуществлялись и как власть взаимодействовала с обществом в новых условиях написано огромное количество научных трудов. В отечественной историографии советского периода феномен революции 1917 г. и её последствий трактовался историками как качественный экономический и политический переворот, в основе которого была главная предпосылка – смена власти на большевистскую. Повседневные практики советского общества, как правило, изучались фрагментарно. В зарубежной советологии интерес к российской действительности и социальным структурам был активным, на СССР смотрели как на большой социальный эксперимент. Р. Пайпс и Ш. Фицпатрик [16; 22] в своих работах смогли показать «советский эксперимент» не только как экономический проект, но и как результат глубокого социального и культурного перелома, охватившего все слои общества и спровоцировавшего значительные изменения. Р. Пайпс писал и о социальной, и о культурной революции, которые для большевиков были неразделимы в теории, поэтому новая власть хотела воплотить все на практике [16, с.198]. Ш. Фицпатрик обратилась к повседневной жизни простых людей в 1930-е гг. Её исследование представляет интерес ещё и в связи с методологическими проблемами. Историк применительно к советскому материалу стала задаваться вопросом как писать историю

evolution of mass consciousness and everyday practices of the citizens of Stavropol and the Caucasian Mineral Waters in the 1920s - 1930s.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

The article was submitted: 17.03.2025

The article was approved after reviewing: 28.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

повседневности. Вместо поисков признаков сопротивления тоталитарному режиму она решила сосредоточиться на обиходной практике и стратегиях выживания в специфических социально-политических условиях [22, с.7].

Моментом перехода от экономического и политического детерминизма к интегральному подходу в России стали 1990-е г., когда вышли в свет работы В. П. Булдакова [1; 2], О. В. Хлевнюка [23], Ю. Н. Афанасьева [20] и ряда других историков, кто начал процесс переоценки роли социальных и культурных факторов в революции и открыл тем самым новые для последующих исследователей возможности оценки событий 1917 г. и их последствий. Сейчас повседневность советского общества является предметом активного научного освоения. Но такие направления как новая локальная история и новая история повседневности актуализируют тему в разных контекстах. В частности, неисчерпанной является тема повседневных практик жителей Кавказских Минеральных вод.

Новая советская реальность конструировалась через новые советские институты и системы, в том числе правопорядка. Криминогенность и формирование новой правоохранительной системы, которая эту криминогенность пыталась преодолеть, стала фоном, на котором осуществлялись повседневные практики раннего советского общества. Однако следует подчеркнуть, что и до революции 1917 г., и после нее, наблюдается корреляция между революционной нестабильностью и усугублением криминогенной обстановки. Согласно статистическим данным, приведённым в исследовании российского историка и правоведа В. Н. Колемасова, прослеживается связь между общественными потрясениями (включая революцию 1905 г., поражение в войне с Японией, начало Первой мировой войны и общую «революционную ситуацию») с увеличением уровня преступности и числа заключённых. По данным за период с 1907 по 1912 г. ежегодно было осуждено 176 тысяч человек [14, с.85], что на 46% превышает показатели предшествующего периода с 1886 г. по 1906 г. Также отмечается, что уровень регистрируемых преступлений с 1906 г. по 1913 г. составлял более 270 ежегодно [17, с.56], что на 17% превышало данные за период с 1899 г. по 1905 г. Ещё больше ситуация осложнится после революционных потрясений в 1917 г. На фоне этих событий значительно усиливается люмпенизация населения, открывшая возможность для насилия и безнаказанности под прикрытием

революционных лозунгов [14, с.86]. Поэтому неудивительно, что криминальность стала неотъемлемой частью повседневной жизни в первое советское десятилетие.

Пересечение вопросов истории становления советской правовой системы и истории повседневности не случайно. Большую роль в этой системе играла советская милиция. На её примере можно проследить, как менялась повседневность самих правоохранителей. В то же время милиция была встроена в городскую повседневность, частью которой в 1920-е гг. как эхо войн и революции, были разного рода социальные девиации. Целью исследования является изучение истории советской милиции в городах КМВ в связи с опытом преодоления постреволюционной и поствоенной разрухи на уровне повседневных практики как самих сотрудников, так и горожан.

Материалы и методы. Изучение предложенной в заголовке проблемы предполагает привлечение методов традиционного исторического исследования. В частности, историко-генетический метод позволяет изучить историю возникновения и развития милиции на территории Терека и КМВ в первые годы советской власти. Историко-правовой анализ был необходим для того, чтобы показать особенности становления института милиции и тех задач, которые определялись властью. Подход новой истории повседневности позволил советскую милицию поместить в контекст городской повседневности Кавказских Минеральных вод и выявить то, как провинциальная повседневность влияла на состояние самой милиции, и с какими новыми реалиями столкнулись первые советские блюстители порядка. Подходы новой локальной истории обусловили ограничение территориальных границ КМВ, но при этом сохранили связи с контекстом общероссийской истории.

Историческая реконструкция проведена как на опубликованных законодательных и делопроизводственных материалах, так и с привлечением массива исторических документов из фондов Государственного архива Ставропольского края.

Анализ. Становление милиции началось ещё до октября 1917 г. После февраля 1917 г. полицию упразднило Временное правительство, как олицетворение старого режима и данный жест имел не только практическое, но и символическое значение [13, с.263]. После ликвидации корпуса жандармов и упразднения департамента полиции, была сформирована земская и городская милиция. Большевики же в первый период под пролетарской милицией понимали вооружение народа. 28 октября 1917 г. (по старому стилю) было принято постановление Наркомата внутренних дел (далее – НКВД РСФСР) «О рабочей милиции». Принципы были определены, но с формами организации были

сложности в силу их нечеткой регламентации. Единственным отличием народной милиции от реорганизованной полиции официально стал её классовый характер: будучи инструментом рабоче-крестьянской власти, данный институт был призван охранять достижения революции, пресечь контрреволюцию и вместе с тем обеспечивать общественный порядок и безопасность в столице и регионах [8]. Уже в августе 1918 г. Главное управление милиции РСФСР (далее – Главмилиция) опубликовало директиву «О нейтрализме милиционеров», которое встраивало правоохранительную деятельность в новую идеологическую систему координат. В директиве шла речь о том, что сотрудники милиции не могут быть нейтральными, их первоочередная задача «охрана прав рабочего класса и беднейшего крестьянства» [16, с.86]. Несогласие милиционера с этим принципом могло привести к его отстранению от службы. В теории это означало расстановку приоритетов при охране правопорядка, реальность же диктовала иное. И в том числе через изучение повседневных практик можно увидеть, насколько сложно было выполнение этой директивы. К лету 1918 г. оказалось, что добровольность службы, заложенная при организации милиции, и отсутствие специалистов вредит делу.

При Совнарком РСФСР созрело понимание необходимости профессиональной милиции. Когда была разослана Инструкция об организации советской рабоче-крестьянской милиции (далее – РКМ), Ставрополье и Терек были охвачены Гражданской войной. Поэтому организация милиции здесь началась только после установления советской власти в марте 1920 г. [11]. Параллельно с установлением советской власти на Тереке формировалась правоохранительная система. 26 марта 1920 г. была организована Терская окружная милиция, во главе с начальником Добряком и его помощником Бутенко. Существовали документы и инструкции, спущенные сверху, по подбору милицейских кадров и организации работы, но на местах отклонения от общих установок диктовались постреволюционной и поствоенной разрухой [11].

Распоряжения Главмилиции и НКВД распространялись на все уровни милиции и относились ко всем регионам страны равнозначно. Однако основные обязанности сотрудников милиции зачастую варьировались применительно к условиям региона, тем самым теснее взаимодействуя и адаптируясь к жизни провинциальных городов. Подобная ситуация была отчасти стихийной, а отчасти стала возможной благодаря декретам советской власти, в соответствии с которыми, помимо борьбы с преступностью и предотвращением контрреволюции, что в понимании большевиков считалось тождественными понятиями, в юрисдикцию милиции входило бюрократическое сопровождение рабочего процес-

са, борьба с «уголовными элементами», поддержание санитарного порядка и исполнение предписаний местных властей [9]. Здесь мы видим слабую регламентированность и возможность для широкой трактовки собственных полномочий, что существенно влияло и на городскую повседневность.

Размытость функционала прослеживается при анализе архивных материалов, отражающих повседневность курортных городов Кавказских Минеральных Вод: Пятигорска, Ессентуков, Кисловодска и Железноводска. Острая нехватка подготовленных кадров на местах и общая дезорганизация жизни провинциальных городов ставили перед местными исполкомами проблему организации работы милиции. Время от времени, эта задача становилась основанием для расширения должностных обязанностей уездной и городской милиции, на плечи которой возлагался контроль за внешним видом улиц и дворов, тишиной и спокойствием [6, л.88], клеймением убойного скота на скотобойнях, пропиской и выпиской жильцов, обязательным принятием торговцами и прочими лицами мелких денежных знаков [4, л.130], выдачей удостоверений на продажу-покупку разного рода животных [6, л.35 об], держанием на привязи собак и т.п. [5, л.146]. Одновременно милиция должна была заниматься контролем и учетом лиц, утративших документы (в т.ч. виды на жительство, паспорта, трудовые книжки, мандаты, пропуска и прочие документы, удовлетворяющие какие-нибудь служебные права) [7, л.185] и регистрацией орденов на обыск, выдаваемых управлением уголовного розыска [6, л.28об]. Передавали в ведение милиции и те обязанности, для исполнения которых в отделах местной власти не удавалось найти ответственных лиц. Как в случае с уборкой трупов, которая должна была находиться в юрисдикции санитарного надзора [7, л.286]. Соответственно мы видим, как первоначально заявленные в центральных документах цели организации и существования милиции корректировались именно на уровне поствоенной и постреволюционной повседневности, которая определяла вовлечение сотрудников правоохранительной системы в решения тех задач, которые по сути не входили в круг их должностных обязанностей.

Одной из новых социальных групп раннесоветского общества были красноармейцы, и зачастую именно они были фактором повышения криминогенной обстановки. В соответствии с приказом №279 утвержденного Советом Труда и Обороны от 17 августа 1921 г., в полномочия РКМ входило оказание содействия в проведении призыва военнообязанных граждан в Красную Армию, что проявлялось в дежурствах на сборных пунктах, оповещении населения о призыве [7, л.155 об] и помощь в принудительном направлении на сборные пункты граждан, укло-

няющихся от призыва [7, л.153]. Это очень тесно связывает регион с общегосударственной проблемой контроля за демобилизованными красноармейцами и дезертирами в 1920-х гг. [21, с.46], что тоже становилось заботой местной милиции. В 1922 г. сотрудник Тергуброзыска Степан Животков раскрыл «вооруженную банду красноармейцев караульной команды», совершивших попытку ограбления склада заготовительной конторы [7, л.24].

Налицо была усталость населения от военных тягот и тяжёлых условий службы, порождавшие нежелание участвовать в боевых действиях [15, с.73]. Большая часть населения регионов страны была вынуждена кормить себя и свои семьи самостоятельно, занимаясь поддержанием своих хозяйств или сезонными работами по найму. Прибывшие с войны красноармейцы включались в новую советскую повседневность и пытались к ней адаптироваться. Оказавшиеся в отпусках или служебных командировках, они искали любые способы получить отсрочку от службы. Кто-то уходил в открытый бандитизм [7, л.24], кто-то же получал поддержку от организаций и предприятий через «незаконное устройство по найму» [7, л.112] в регионе, не соответствующем основному месту проживания, что послужило большому притоку рабочих рук на территорию городов Кавказских Минеральных Вод в 1920-х гг. Всё это требовало ответных действий со стороны уездной и городской милиции, которым необходимо было способствовать поиску дезертиров и незарегистрированных красноармейцев, прибывающих на территорию Терской губернии в соответствии с распоряжением Терской губернской милиции от 1922 г.: «... всех военнослужащих и красноармейцев, отправляемых на предмет демобилизации, отправки по наряду для взятия на учёт, как отпускных по болезни краткосрочных и бессрочно-отпускных, а также дезертиров или подозреваемых в дезертирстве, непосредственно направляйте в Пятигорский Уездвоенкомат в г. Ессентуки» [7, л.36].

После окончательного установления советской власти на КМВ вплоть до середины 1920-х гг. проблема бандитизма стояла настолько остро, что в документах о ней пишут, как о деле обыденном. Милиция в то время была настолько маломощной, что в помощь ей использовали военных и коммунистов. В июне 1920 г. рядом с Пятигорском (колония Николаевская)²², где «постоянно происходили грабежи» были задержаны двое вооруженных людей, один был сотрудником чрезвычайной следственной комиссии 10 армии [10, с.549]. Доказанность преступления нам неизвестна, но данный случай показателен типичностью ситуации. Задержанные были взяты под стражу, а изъятое оружие ревком попросил оставить себе [10, с.549].

²² Ныне это поселок городского типа Иноземцево.

Повседневность самих сотрудников милиции представляет собой особый исследовательский интерес. Первые советские милиционеры, особенно в провинции бедствовали. Поэтому, когда, за хорошую и качественную службу особенно отличившиеся сотрудники по праздникам удостоивались таких подарков как табак с коробкой спичек, книжка с папиросной бумагой, портсигар, часы и револьвер «Браунинг», это считалось хорошим поощрением [6, л.1]. В некоторых случаях, работники милиции «за честное и сознательное отношение к своим обязанностям и добросовестное исполнение возлагаемых на них поручений» [7, л.157] могли получать денежные поощрения. Сотрудникам милиции предоставлялись бесплатные места на разных концертах, спектаклях, вечерах [6, л.67, 69]. Система поощрений, судя по архивным источникам, не предполагала соразмерности. Так, ранее упомянутому Степану Житкову, который раскрыл банду красноармейцев, просто объявили благодарность.

Нужда и необходимость физического выживания заставляла сотрудников милиции искать источники дополнительного заработка. Очевидно, что подобная ситуация не совпадала с самой идеей милицейской службы, о чем сообщала Главмилиция в соответствии с приказом от 21 марта 1922 г. № 120 «О недопустимости совместительства в угрозыске»: «Работа в уголовном розыске, как особо специальная, требует от лиц посвятивших себя ей, напряжения в полном объеме их сил, которые не должны отвлекаться и расходоваться на побочные занятия и помимо того совместительство может вовлечь сотрудника уголовного розыска в положение опасной борьбы между сознанием долга лица признанного осуществлять задачи уголовного розыска и чувством подчиненности и зависимости по другой службе, что также не должно быть терпимо ни при каких условиях» [7, л.177]. Реакция руководства и издание приказа симптоматично и наводит на мысль о том, что случаи «совместительства» становились явлением массовым и сильно заметным.

Трудовая повседневность правоохранителей оказалась под влиянием острого дефицита кадров [7, л.362]. Делопроизводство практически не велось и нормальным явлением были просрочки или даже полный отказ от предоставления сведений из уездных подразделений в вышестоящие структуры [7, л.32 – 32 об]. Другим маркирующим трудовую повседневность стала халатность. Например, несмотря на дефицит боеприпасов часто случалась прецеденты беспричинной стрельбы, особенно во время несения караула. Такая стрельба ночью без видимых оснований нарушала общественный порядок, спокойствие граждан и шла вразрез с правилами расходования служебного оружия и боеприпасов [6, л.54 об]. В соответствии с при-

казом от 9 марта 1922 г. «О проверке несения службы милицией органами ВЧК» в ночь с 20-го по 21-е октября 1921 г. ВЧК проводили массовые проверки караульной службы милиции в 59 губернских и областных городах, в ходе которых выявили множество нарушений вроде дисциплины сотрудников милиции, «недостаточного знания ими своих обязанностей, а иногда простое невнимание к службе» [7, л.155 б].

По мере постепенного возвращения жизни в мирное русло менялось массовое сознание и в нем возникали новые стереотипы, в том числе о советском блюстителе порядка. По архивным источникам можно свидетельствовать, что наблюдалось повышение внимания к рабочим качествам милиционеров, их компетентности и профессиональной и социальной репутации. Так, в приказе от 9 марта 1922 г. «О проверке несения службы милицией органами ВЧК» говорится: «... в милиции ещё не изжиты прежние недостатки, а это в свою очередь свидетельствует о том, что начальствующие лица проводят в жизнь все мероприятия по поднятию службы и дисциплины среди милиционеров не с должной энергией и твердостью, а посему в целях скорейшего упорядочения дела несения службы милиционеров Комсоставу необходимо подтянуться и точным и безукоризненным исполнением своих обязанностей быть должным примером для подчинённых им милиционеров, а милиционерам надлежит помнить, что добросовестное отношение к службе – это их долг и что тяжело материальное положение явление временное, находящееся в связи с общим положением РСФСР, которое будет побеждено, если все как один будут сознательно выполнять возложенные РСФСР обязанности» [7, л.155б об]. Отсюда следует, что наряду с отсутствующим «заразительным примером» руководящего состава существовала не менее значимая проблема – некомпетентность сотрудников милиции. В описанной выше ситуации с задержанием в районе Николаевской колонии примечателен ещё один момент. На место задержания подосредуемых в грабежах прибыл ещё начальник окружной милиции и его помощник товарищ Баша. По свидетельству членов ревкома Баша имеет сомнительное прошлое для такой должности: «... в 1918 г. служил в нестроевой роте в сапожной мастерской при имени Тица городе Пятигорск и вел себя крайне подозрительно к советской власти, пьянствовал, дебоширил... постоянно ругал советскую власть» [10, с.549].

О низком профессиональном уровне первых сотрудников милиции мы узнаем снова из архивных источников. Например, по приказу Пятигорского Уездного Отдела Управления (г. Ессентуки) от 20 апреля 1922 г. усиливалась работа специальных комиссий по очищению состава милиции от нежелательных элементов [7, л.121], включая дезертиров, «кулаков» и лиц,

совершивших преступления либо злоупотреблявших служебными полномочиями. Выгонять всех не получалось, так как работать было бы не с кем. Случай с «товарищем Башой», который занимал приличную в системе должность тому доказательство. Здесь мы видим, как работали идеологические задачи, то есть формирование штата из рабоче-крестьянской среды. Однако установка не спасала от проникновения и маргинализированных элементов.

Повышение профессионального уровня и некая санация рядов тоже были насущной проблемой. Причин бороться за профессиональные качества было множество. Выше мы писали о нецелевом расходовании боеприпасов. Случалась путаница в функционале, что было связано не только с его размытостью, но и неправильной трактовкой самими сотрудниками. Кроме того, долго не преодолевалась хаотизация постреволюционного и поствоенного времени, первые советские учреждения долго налаживали работу. Например, некоторые отделения милиции выдавали горожанам удостоверения о владении лошадьми, а потом оказывалось, что это не входит в полномочия уездной милиции, т.к. «у каждого гражданина, владеющего лошадью, должна быть карточка, выданная военным комиссариатом или военным отделом на местах» [6, л.9]. Стали нередкими случаи неправомерного изъятия лошадей у крестьян, не обладающих необходимыми удостоверениями на право владения животными. Лишение тяглой силы для крестьян означало громадный ущерб для хозяйства [6, л.41 об]. И здесь трудно сказать о причинах, то ли произвол, то ли непрофессионализм лежали в основе такого рода изъятий.

Уголовная практика протекала в новых социальных, экономических, политических условиях и в условиях новой советской повседневности. Если говорить о КМВ, то после установления советской власти здесь началось активное курортное строительство, создание «фабрики здоровья для трудящихся». Курорты стали определять особый тип городской повседневности, соответственно полем деятельности советской милиции стали и санатории. Возьмем дело А. А. Багдасарова, главного врача группы санаториев (№22-28) г. Железноводск, датируемое 1926 г. Изначально против него было выдвинуто обвинение в укрывательстве продуктов питания, преимущественно хлеба, в условиях жёсткого дефицита продовольствия [5, л.19, 19 об]. Однако дальнейший ход дела показывает неожиданный разворот и оказывается, факт хищения уже не так важен. Вместо первоначальных претензий последовало утверждение о морально-нравственном падении А. А. Багдасарова, выраженном в «не партийном отношении к товарищам» [5, л.15] в виде вспышек агрессии и кидания хлебом в подчинённых [5, л.16 - 18 об]. На завершающем этапе был проведен допрос

подозреваемого и выдвинуто обвинение в «некоммунистическом и не тактном поведении», хотя налицо была девиация возможно психической природы. В укор главврачу был выставлен отказ признать вину и грубость высказываний, вроде: «зелёная лошадь, разварная осетрина» [5, л.15]. Мы видим низкий уровень процедуры следствия, которая накладывалась на особый политический контекст, отсюда и клише о некоммунистическом поведении. В то же время интересен и эпизод повседневной жизни первых советских курортов, когда хищение продуктов и продовольственный дефицит – это та реальность, с которой имели дело санатории КМВ. Однако приметой времени стало то, что поведение А. А. Багдасарова обращало на себя больше внимания правоохранителей, нежели факты хищения.

Среди правонарушений, квалифицированных как «некоммунистическое поведение», особое внимание привлекает инцидент, произошедший в 1926 г. в городе Пятигорске с семьёй Устенко. Согласно имевшейся информации, один из братьев, прибывший из Ростова-на-Дону к своим родственникам для проведения церковной церемонии венчания и последующей домашней свадьбы, стал объектом общественного осуждения. Причин подобного обращения оказалось несколько: первым поводом недовольства заявителя послужил факт появления братьев на улицах города в состоянии алкогольного опьянения и сопровождаемое «пляской» [5, л.29]. Второе объяснение объяснялось раздражением от длительного празднества, затянувшегося на четыре дня, что особенно подчеркнуто автором письма. Третье основание заявителя оказалось спровоцировано распространёнными среди местных жителей разговорами о странности самого факта прибытия брата из другого города и отказа от венчания в г. Ростов-на-Дону [5, л.29 об]. Подобная ситуация наглядно иллюстрирует столкновение двух разных ментальностей: традиционного уклада, унаследованного от дореволюционного прошлого, и новых норм, привнесённых советской идеологией, которая постепенно начинала менять даже свадебные обычаи. На фоне постепенного внедрения государственных стандартов регистрации брака, принципов скромности и единства молодой семьи, традиционные элементы оставались в среде горожан довольно сильными и только в 1930-е годы отошли на второй план. Речь идёт о привычных массовых торжествах, активном участии всей родни в семейных событиях и традиция венчания в церкви. Однако, как показала дальнейшая история советского общества, несмотря на изменения в официальной идеологии, традиция отмечать значимые события большим семейным кругом сохранилась и стала неотъемлемой частью повседневной культуры советского и современного российского общества.

Результаты. Таким образом, с момента своего основания, милиция не только выполняла функцию обеспечения общественного порядка, но и активно участвовала в формировании новой социокультурной среды, способствуя изменению повседневности жителей. На примере КМВ мы видим, как на организацию правоохранительной системы влияла разруха и кризис, эти же факторы определяли и фронт работ первых советских милиционеров. Новым явлением стал навязываемый сверху идеологический подход к работе (т.н. нейтраллизм), но, как показы-

вает практика, в центре он декларировался, а на месте в первые годы было не до него. Уголовная практика была тесно связана с повседневностью городских жителей. Например, на КМВ она протекала в пространстве первых советских санаториев, где тоже совершались противоправные действия. В тоже время через анализ девиаций мы видим, как архаика в повседневности сочеталась с новыми явлениями. Это мы показали на примере дела, заведенного в Пятигорске в связи с «некоммунистическим поведением» семьи Устенко.

Литература

1. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЕН, 2010. 967 с.
2. Булдаков В. П., Утопия, агрессия, власть: Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. / В.П. Булдаков. М.: РОСПЭН, 2012. 759 с.
3. ГАСК. Ф. Р1236. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАСК. Ф. Р1336. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАСК. Ф. Р1352. Оп. 1. Д. 3.
6. ГАСК. Ф. Р1581. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАСК. Ф. Р1581. Оп. 1. Д. 3.
8. Гурьянов П. И. Уголовный Розыск РСФСР и Ярославской губернии в 1917–1920 гг. (историко-юридический аспект) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 1. С. 61–64.
9. Декреты совета народных комиссаров 21 августа 1918 г. // Декреты Советской власти. Т.3. М.: Политиздат, 1964. С. 238–239.
10. Заявление председателя ревкома колонии Николаевской в Пятигорский окрестком о проявлениях бандитизма в районе. 1 июня 1920 г. Секретно // Голоса из провинции. Жители Ставрополя в 1917–1929 годах: Сб. док. / Отв. сост. Г. А. Никитенко, науч. ред. Т. А. Булыгина. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2009. С. 548 – 549.
11. Из века в век служба закону: очерки истории органов внутренних дел Ставропольского края. Ставрополь: Сервисшкола, 2005. 578 с. URL: https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/guvask/istoriya/istoriya_sk (дата обращения: 04.11.2025)
12. Кожевина М. А. Создание первых милицейских курсов и их роль в подготовке кадров милиции России (1918–1920 гг.) // Вестник Омского университета. 2004. № 4. С. 82–85.
13. Колемасов В. Н. Организационно-правовые основы создания советской милиции // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012. № 2. С. 263–265.
14. Колемасов В. Н. Органы государственной безопасности и милиции в борьбе с преступностью (1917–1934 гг.) // Lex Russica. 2016. № 7(116). С. 85–92.
15. Левшин К. В. Причины дезертирства в Красной Армии (1918–1921 гг.) // Новейшая история России. 2011. №2. С. 73–79.
16. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918 – 1924. М.: Захаров, 2005. 393 с.
17. Политический режим и преступность. Проблемы политической криминологии / Бараева Н. Б., Бурлаков В. Н., Вандышев В. В., Волженкин Б. В., и др.; Под ред.: Бурлаков В. Н., Волков Ю. Н., Сальников В. П. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 365 с.
18. Родин Д. П. Городская и сельская преступность // Право и жизнь. М.: Право и жизнь, 1926. Кн. 2–3. С. 94–101.
19. Семенов А. И. Создание советской милиции // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 3(14). С. 91–96.
20. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. От вооружённого восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира / ред. Ю. Н. Афанасьев. Т.1. М.: РГГУ, 1997. 510 с.
21. Тепляков А. Г. Криминал и власть в эпоху становления советской государственности // Новый исторический вестник. 2015. № 3(45). С. 44–64.
22. Фицпатрик Ш., Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30–е годы: город. М.: РОСПЭН, 2008. 336 с.
23. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30–е годы. М.: РОССПЕН, 1996. 198 с.
24. Холина М. В. Формирование новых ценностных ориентиров и проблема пьянства в малых городах Красноярского края в 1920–е годы // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 11. С. 72–78.

References

1. Buldakov VP. The Red Troubles: The nature and consequences of revolutionary violence. Moscow: ROSSPEN, 2010. 967 p. (In Russ.).
2. Buldakov VP, Utopia, aggression, power: The psychosocial dynamics of the post-revolutionary period. Russia, 1920–1930 / VP. Buldakov. Moscow: ROSSPEN, 2012. 759 p. (In Russ.).
3. State archive of Stavropol Krai (GASK). F. R1236. Inv. 1. D. 7.
4. GASK. F. R1336. Inv. 1. D. 4.
5. GASK. F. R1352. Inv. 1. D. 3.
6. GASK. F. R1581. Inv. 1. D. 2.
7. GASK. F. R1581. Inv. 1. D. 3.

8. Guryanov PI. Criminal Investigation of the RSFSR and Yaroslavl province in 1917-1920. (historical and legal aspect). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016;(1):61-64. (In Russ.).
9. Decrees of the Council of People's Commissars on August 21, 1918 in Decrees of Soviet power. Vol.3. Moscow: Politizdat, 1964. pp. 238-239. (In Russ.).
10. Statement by the chairman of the revolutionary committee of the colony of Mykolaiv in the Pyatigorsk district committee on the manifestations of banditry in the area. June 1, 1920 Secret in Voices from the provinces. Residents of Stavropol in 1917-1929: Collection of documents / Ed. by GA. Nikitenko, scientific ed. by TA. Bulygin. Stavropol: Stavropol Krai Committee on Archives, 2009. pp. 548 – 549. (In Russ.).
11. From century to century serving the law: essays on the history of the internal affairs bodies of the Stavropol Krai. Stavropol: Service School, 2005. 578 p. URL: https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/guvask/istoriya/istoriya_sk (accessed: 11.04.2025). (In Russ.).
12. Kozhevina MA. The creation of the first police courses and their role in the training of Russian police personnel (1918-1920). *Vestnik Omskogo universiteta*. 2004;(4):82-85. (In Russ.).
13. Kolemasov VN. Organizational and legal foundations of the creation of the Soviet militia. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal*. 2012;(2):263-265. (In Russ.).
14. Kolemasov VN. State security and police agencies in the fight against crime (1917-1934). *Lex Russica*. 2016;7(116):85-92. (In Russ.).
15. Levshin KV. Reasons for desertion in the Red Army (1918-1921). *Novejshaya istoriya Rossii*. 2011;(2):73-79. (In Russ.).
16. Pipes R. The Russian Revolution. Vol.3. Russia under the Bolsheviks. 1918 – 1924. Moscow: Zakharov, 2005. 393 p. (In Russ.).
17. Political regime and crime. Problems of political criminology / Baraeva NB, Burlakov VN, Vandyshev VV, Volzhenkin BV, and others; Edited by: Burlakov VN, Volkov YuN, Salnikov VP. St. Petersburg: Legal Center Press, 2001. 365 p. (In Russ.).
18. Rodin DP. Urban and rural crime in Law and life. Moscow: Law and Life, 1926. Vol.2-3. p. 94-101. (In Russ.).
19. Semenov AI. Creation of the Soviet militia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 2017;3(14):91-96. (In Russ.).
20. Afanasyev YuN. Soviet society: emergence, development, historical finale. From the armed uprising in Petrograd to the second superpower of the world. Vol.1. Moscow: RGGU, 1997. 510 p. (In Russ.).
21. Teplyakov AG. Crime and power in the era of the formation of Soviet statehood. *Novyj istoricheskij vestnik*. 2015; 3(45):44-64. (In Russ.).
22. Fitzpatrick S., Everyday Stalinism. The social history of Soviet Russia in the 30s: city. Moscow: ROSSPEN, 2008. 336 p. (In Russ.).
23. Khlevnyuk OV. Politburo. Mechanisms of political power in the 30s. Moscow: ROSSPEN, 1996. 198 p. (In Russ.).
24. Kholina MV. The formation of new value orientations and the problem of drunkenness in small towns of the Krasnoyarsk Territory in the 1920s. *Manuscript*. 2020;13(11):72-78. (In Russ.).